

УДК 323.215

Д.Ю. Сарайкина

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК КАК МЕХАНИЗМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Представлено видение политического праздника как культурного феномена, содержащего инструментарий познания посредством интерпретации политической реальности.

Ключевые слова: культура, праздник, когнитивное, смысл.

Сегодня очевидны противоречивость и зыбкость российской политической культуры. Ценностный и идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР, не заполняется новым опытом, который обеспечил бы воспроизводство политической культуры. В ряду эффективных механизмов актуализации ценностей политический праздник является сложным инструментом субъективации важнейших элементов культуры (ценности, символы, память, прошлое и проч.), гармонизации отношения к прошлому, узаконивания истории и, соответственно, легитимации существующего режима. Не стоит забывать о том, что политическая культура (да и культура вообще) – коммуникативная среда, которая существует посредством передачи единиц познания. И в данной связи политический праздник, как способ коммуникации (ставящий коммуникацию основой смыслообразования), подтверждает свою «культурность» и культурную созидательность. Если интерпретировать политическую культуру как информационную среду (в которой образуются и передаются ценности, символы, формируется опыт), то о современной ситуации можно сказать как о состоянии неотреагированного инфозапроса.

В данной связи политический праздник, являясь феноменом политико-культурным, способен в коммуникативном контексте воспроизводить культуру в когнитивной схеме, актуализируя и преобразуя определенную информацию, интерпретируя политическую реальность. Политический праздник является механизмом интерпретации посредством работы со смыслом в символическом культурном контексте. Действительно, явление политического праздника раскрывает себя лишь посредством коммуникации, хотя и институциональный статический аспект имеет значение. «Именно ритуалы, а не насущные и надзирающие институты, как ни парадоксально, объясняют сущность социального порядка, а также его устойчивость. В этом кроется, на наш взгляд, особая социализирующая эффективность праздников. Во-вторых, 'каждый включается целиком', узлы группы становятся теснее, снимая проблемы межличностных и межгрупповых барьеров коммуникации...» [1. С.17].

А.И. Щербинин рассуждает об особом состоянии массы во время праздника. Это состояние подчеркивает первостепенность коммуникативной природы данного социального явления. Следовательно, передача разнообразной

информации становится возможной и необходимой для эффективной работы праздника. В этом смысле явление праздника представляет собой некую когнитивную схему, состоящую из нескольких сегментов, которые передаются в разных условиях (ценности, символы, знание).

Политический праздник – явление культурное. Культура в целом призвана наделять смыслом те или иные явления и события, интерпретировать их. И в данном аспекте становится важной коммуникация, посредством которой осуществляются передача смысла и познание. Итак, политическая культура в исследовании феномена праздника раскрывает свою сущность, прежде всего, в коммуникативном аспекте. Коммуникация в культуре осуществляется за счет создания субъективной прослойки, интерпретативного пласта между группами, индивидами, а также в субъектно-объектных отношениях. Политическая культура образует смысл явлений социального (политического) мира. Интересным в данной связи представляется подход К. Гирца. Культура для автора – это, прежде всего, «носитель смыслов, посредством которых люди интерпретируют свой жизненный опыт и направляют свои действия, социальная структура – форма, которую принимают эти действия, реально существующая сеть социальных отношений» [2. С. 234]. Культура актуализирует тот или иной смысл посредством социальных практик и ритуалов, то есть коммуникации как таковой. Политический (социальный) ритуал является наиболее показательным ввиду создания особого смыслового динамического мира, то есть категория «смысл» становится основой культурной коммуникации. Что касается интереса власти в организации ритуала, то участие в ритуале подразумевает автоматическое принятие и фиксацию смысловой преференции при «бинарном кодировании властных преференций», как характеризует данное явление К.Ф. Завершинский [3. С. 8].

Таким образом, индивид или группа автоматически делают выбор в пользу тех ценностей, которые в ритуале позиционируются как «добровольно принимаемые». По мнению Завершинского, в основе такой схемы лежат семантические модели мотивации. То есть принятие чего-либо, признание смысла подразумевает соответствующую интенцию [3. С. 8–10]. Именно поэтому политический праздник является механизмом опосредованного преобразования социальной реальности. Передача смысла в культуре осуществляется за счет ее когнитивных оснований и в соответствии с установленными когнитивными кодами. Смысловой мир выражает себя посредством когнитивных процессов, восприятия, интерпретации, освоения и прочего.

Н.Г. Щербина в статье «Символическое конструирование мифогероической политической реальности России» цитирует А. Шюца: «Конститутивный характер реальности, согласно А. Шюцу, состоит в том, что реальность конституируется когнитивным стилем. Специфический когнитивный стиль, таким образом, – это совокупность тех отличительных черт реальности, которыми мы наделяем некую область значений» [4. С. 18]. Согласно Шюцу, в когнитивной плоскости происходит построение модифицированных реальностей с расширенными границами значений. И здесь одну из главных ролей играет «мир фантазмов и воображения».

Майкл Коул, опираясь на точку зрения Роя Д'Андроды, рассуждает о том, что культура – механизм организации познания. То есть культура является

своего рода когнитивным инструментарием [5]. Действительно, сознание вбирает лишь те смысловые индикаторы и явления из окружающей среды, которые соответствуют некоей культурной матрице, условным схемам восприятия. То есть культура определяет и содержание познания. В этом смысле праздник как механизм познания, с одной стороны, и как культурный механизм, с другой, – явление контекстуальное. Майкл Коул, принимая во внимание точку зрения Макса Вартовского, пишет об опосредовании процесса познания культурными артефактами, то есть базовыми матрицами восприятия реальности. По мнению Коула, существуют относительно автономные миры, создаваемые сознанием, – третичные артефакты. Эти воображаемые миры, подчеркивает М. Вартовский, могут «окрашивать» тот способ, которым мы видим «актуальный» мир, и предоставлять нам средства для изменения текущей практики» [5]. Отсюда Майкл Коул делает вывод, что способ поведения, продуцируемый из третичных артефактов, может трансформироваться в контекст, то есть в саму реальность. То есть воображение представляет собой способ преобразования окружающей действительности, и в данной связи политический праздник, как искусственно создаваемый мир, всегда направлен на стимулирование воображения и подразумевает явление воображаемого мира как целостного, автономного, а значит, ценностно и содержательно самодостаточного.

Если воспринимать праздник как когнитивную схему, выполняющую функцию интерпретатора, то одну из главных ролей в данной связи играет язык. Посредством языка осуществляется трансляция информации и когниция – познание. И что является наиболее актуальным для феномена политического праздника – язык формирует воображение. Бенедикт Андерсон пишет в данной связи: «Языковое опосредование воображения есть характеристика временная. Язык делает прошлое переживаемым в настоящем, прошлое и настоящее сливаются в одновременности. Эта одновременность фиксируется актуальным озвучиванием (написанием и прочтением) символических форм, тем самым осуществляя в этой непрерывности реальность существования воображаемого сообщества» [6. С. 29]. Политический праздник по своей креативной форме как раз-таки и становится подобным озвучиванием в воображаемом мире символических форм. Посредством праздничной (в политическом или историческом празднике) коммуникации фиксируется идея увековечивания нации.

Исторические события как единицу познания можно означить артефактом – конструктом, открытым для преобразования. Интересной в данной связи представляется точка зрения Томаса Лаусена и Джина Купермана в книге «Late Soviet Culture From Perestroika to Novostroika» о том, что для формирования эффективного информационного содержания в политической реальности необходима метафорическая актуализация в пространстве когнитивного оснащения, то есть в пространстве культуры [7. С. 78–81]. Метафора – как творческая форма – всегда подразумевает задействование воображения. Политический праздник актуализирует определенный артефакт, благодаря которому интерпретация политической реальности подчиняется механизму воображения.

Для эффективной работы когнитивной схемы праздника необходимы постоянное присутствие культурного фона в когнитивном поле и символическое и смысловое соответствие праздника этому фону. И здесь раскрывается еще одна функция праздника в интерпретации – означивание. Таким образом, если объяснять необходимость праздника для власти в когнитивном ключе, то логичным будет предположение: политический праздник, создавая особую модифицированную реальность значений, снимает напряжение и снимает интенционную напряженность человека в процессе миропонимания. «Общее во всех фантастических мирах то, что при пассивной установке сознания человек не должен овладеть внешним миром, тем самым избавляясь от прагматического мотива действий» [6. С. 14]. То есть антропологически праздник удовлетворяет потребность человека в сотворении, модификации политической реальности. Говоря обыденным языком, подобные ритуалы оставляют человека «в покое» и позволяют автономизировать мир политики как мир субъектного действия власти, защищают реальность власти путем создания символического кордона, фиксируют свое право на конструирование смысла и монополизацию жизненного мира. Символ в празднике имеет интегральное значение. Он одновременно в ассоциативной схеме отсылает ко множеству реальностей, которые также домысливаются в модификации (мир политики).

В.П. Даркевич в исследовании праздничной культуры Средневековья делает акцент на символах и их соответствии антропологическим структурам. «Праздновать – значило коллективно ощущать целостность мира. Праздник – особое время, вернее перерыв в нормальном круговороте времени, когда, говоря радостное “да” конкретному событию, говорили “да” жизни и миру как единому целому» [9. С. 67]. Символическая целостность, образующаяся в праздничной подготовке, инсценировке, составляет готовый образ непрагматического мира.

Политический праздник прямо или косвенно связан с историей, даже если он не несёт однозначно маркированной смысловой структуры преобразования настоящего. Он отсылает к историческому контексту, если воспринимать историю как то, что происходит в настоящем и из настоящего. Питер Новик пишет в данной связи: «Историческая осмысленность, по своей природе, фокусируется на событиях в их становлении в моменте восприятия в настоящем, то есть в моменте взгляда в прошлое» [10. С. 45]. В данной связи политический праздник может восприниматься нами как механизм работы с памятью: во-первых, как способ работы с историческим материалом непосредственно и, во-вторых, как инициация определенной символической стабильности. Календарность праздника здесь имеет дополнительный смысл, ведь временная модель, которая воссоздается в креативном мире, обладает священным и автобиографическим смыслом. Праздник – явление внеобыденное, основанное на прикосновении к священному и тем самым воспринимаемое соответствующим образом. Указанные особенности праздника связаны с еще одной важной категорией – категорией ценности. Именно при помощи базовой ценностной матрицы и совокупности интенций праздник организует внутри себя способ познания, включается в культуру, выполняет свои основные функции.

Праздник интерпретирует окружающий мир, основываясь на ценностном отношении к нему, воспроизводит связь между культурой и социальными структурами посредством актуализации ценностей. С другой стороны, праздник – это, прежде всего, способ коммуникации, который отражает социальный порядок общества и также воссоздает в особом типе реальности его ценности. Праздник выполняет функцию легитимации нового режима путем нормативной перезагрузки, что проявляется в переходных обществах и в очередной раз подтверждает ценностную природу праздника. Праздник наделяется определенным символическим содержанием; благодаря этому он объединяет людей, изменяя на время их видение мира, стимулируя определенные чувства и актуализируя ценности.

Итак, политический праздник является эффективным механизмом интерпретации политической реальности, благодаря наличию инструментария организации познания в культурной среде. То есть представленный феномен, по сути, является когнитивной схемой, воссоздающей мир в плоскости восприятия, артикулируя тот или иной смысл. Культура наделяет смыслом явления, организуя, таким образом, внутри себя способ познания сквозь особый воображаемый мир. В этом понимании политический праздник продуцирует автономную смысловую целостность, благодаря очерчиванию воображаемого пространства, наделению его символическим и знаковым контекстом.

Литература

1. *Щербинин А.И.* Коммуникативная природа политического праздника // Политический маркетинг. 2007. № 6. С. 5–25.
2. *Гириц Клиффорд.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
3. *Завершинский К.Ф.* Пространство и время гражданского общества России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 5–18.
4. *Щербинина Н.Г.* Символическое конструирование мифо-героической реальности России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 18–38.
5. *Коул М.* Культурно-историческая психология. М.: Когито-центр, 1997.
6. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
7. *Lahusen T., Kuperman G.* Late Soviet Culture From Perestroika to Novostroika. Durhan: N.C. Duke University Press, 1993.
8. *Даркевич В.П.* Народная культура средневековья. М.: Наука, 1988.
9. *Novick P.* Holocaust in American Life. New York: Houghton Mifflin Co., 1999.